VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

Õðèñòèàíñêèå ïðèíöèïû âåðõîâåíñòâà çàêîíà íà Çàïàäå: íàñëåäèå ñâîáîäû è çàùèòà îò òèðàíèè

Аугусто Циммерман

В традиционном западном понимании законовластия подчинение закону предполагает существование определенных правовых норм, которые служат эффективным противодействием произволу власти. Из этого следует, что верховенство закона далеко не ограничивается позитивным правом, а требует от государства соблюдения принципов «высшего права». Однако определение такого «высшего права» предполагает дискуссию о нравственном содержании законов. Если это так, то для общества, которое не следует определенным образцам культурного и религиозного поведения, главенство закона становится невыгодным и даже нежелательным. С другой стороны, любые радикальные изменения этих образцов, безусловно, способны привести к нежелательным для верховенства закона последствиям.

Библия традиционно признается важнейшей из книг, на которых основано как верховенство закона, так и становление демократических институтов на Западе. Но на фоне усиливающейся в последние десятилетия власти государства над жизнью и свободой граждан мы становимся свидетелями того, как глубоко изнутри подрываются основы прав личности.

Если мы хотим для себя и для будущих поколений свободы и законности, а не полного подчинения произволу власть имущих, то нам, жителям Запада, необходимо вернуться к библейским принципам верховенства закона. Господство закона как таковое подразумевает защиту личности через данные Богом свободы, а не через могущественную законодательную власть, которая пытается уподобиться Богу, распоряжаясь жизнью гражданского общества.

Христианство и права личности

Современные права и свободы западного человека уходят корнями в христианство. В древности законы не признавали ценность, внутренне присущую человеческой личности. Римские законы обеспечивали защиту таких общественных институтов, как патриархальная семья, но не охраняли основные права человека – неприкосновенность личности, право на свободу совести, слова, собраний, свободу объединений и т. д. В понимании римлян отдельный человек был важен лишь постольку, поскольку «он был вплетен в политическую ткань и мог служить политическим целям, словно бы конечной целью человеческого существования было укрепление мощи государства».[1]

По словам великого французского философа и политолога Бенжамена Констана, неверно полагать, что понятие прав личности существовало до появления христианства.[2] В сущности, как сказал Фюстель де Куланж, древние народы вообще не имели никакого представления о том, что это такое.[3]

В 390 году св. Амвросий Медиоланский, епископ Милана, заставил императора Феодосия принести покаяние в учиненной им из мести массовой резне, жертвами которой стали семь тысяч человек. Этот факт свидетельствует о том, что благодаря христианству никто, даже римский император, не мог поставить себя выше закона. В XIII веке францисканцы-номиналисты стали первыми, кто разработал правовую теорию о данных Богом правах как о правах личности, вытекающих из естественного порядка вещей, поддерживаемого незыблемыми божественными законами «справедливого основания». По мнению средневековых философов, некоторые права подданного не мог нарушить даже король, поскольку идея закона была неразрывно связана с библейским понятием христианской справедливости.

Христианство, верховенство закона и личная свобода

Еще одна неоспоримая заслуга христианства – представление о неразрывной связи закона и свободы. Божья воля, явленная человеку, считается «высшим законом» и, следовательно, ставится выше законов человеческих. Свобода возможна лишь благодаря закону – Божьему закону, – потому что, как говорит Библия, «закон Господа совершен, укрепляет душу» (Пс.18:8). Следовательно, моральный долг человека – не подчиняться тем человеческим законам, которые извраща-

ют закон Божий, так как предназначением гражданской власти является организация всего общества по Божьим принципам свободы и справедливости.

Св. Августин Аврелий в свое время писал, что в словосочетании «несправедливый закон» заключено внутреннее противоречие. В его понимании человеческие законы могли расходиться с высшим законом Бога. Правителей, издающих несправедливые законы, Августин считал погрязшими во грехе беззаконниками. В своем трактате «*О граде Божием*» он поясняет: гражданские власти, не заботящиеся о справедливости, ничем не отличаются от шайки разбойников: «при отсутствии справедливости что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так и самые разбойничьи шайки что такое, как не государства в миниатюре».4

Подобным же образом и св. Фома Аквинский назвал несправедливый закон «извращенным законом», который никто не обязан соблюдать. Святой Фома считал, что если верховенство закона основывается на Божьей справедливости, то «закон», предписывающий убийство или лжесвидетельство, не может считаться законом, потому что человек имеет моральное право не подчиняться несправедливым требованиям. Правители, издающие несправедливые законы, теряют право на власть и становятся просто тиранами. Слово «тирания» происходит от греческого «мирское правление» и означает главенство человеческой воли, а не закона.

Утверждая всеобщее равенство перед Богом, христианство вынуждало английских королей признавать верховенство божественного закона над людским произволом. «Таким образом, абсолютная монархия, унаследованная от римского права, превратилась в монархию, ограниченную законами».5 Учение Христа стало цивилизующей силой и отторгло тиранию. Можно сказать, что «Благая Весть облагородила кровожадных “варваров” Британских островов».6

Во времена Великой хартии вольностей (1215 г.) придворный судья Генри де Брактон (ум. в 1268 г.) написал внушительный трактат о принципах законности и справедливости. Брактон широко известен как «родоначальник общего права»; его работа *De legibus et consuetudinibus Anglia* («*О законах и судебных установлениях Англии*») сыграла важнейшую роль в становлении средневековой Англии. По мнению Брактона, применение закона предполагает «справедливую санкцию, предписывающую добродетель и запрещающую ее противоположность», то есть государственный закон ни в коем случае не должен уклоняться от высших законов Бога. Брактон называл правоведение «наукой о справедливом и несправедливом».7 Он утверждал, что государство должно подчиняться Богу и закону, «потому что закон делает короля. Ибо там, где правит воля, а не закон, короля нет».8

Христианство дало народу Англии *status libertatis* (состояние свободы), основанное на том христианском постулате, что Божий закон всегда действует на благо обществу. С обращением в христианство английские короли утратили неограниченную власть над жизнью и имуществом людей, позволявшую им ранее на свое усмотрение менять основные законы государства. Из книги пророка Исаии им стало известно о Божьем обещании воздать гражданским властям за несправедливые законы (Ис. 10:1). Вообще, в Библии немало стихов, порицающих власти за извращение правосудия (Пр. 17:15, 24:23; Исх. 23:7; Втор.16:18; Авв. 1:4; Ис. 60:14; Плач. 3:34). Объясняя, почему у англичан больше свободы, чем у французов, Чарльз Сперджен (1834–1892) заявил: «Нет такого места под солнцем, где при открытой Библии и проповедуемом Евангелии тиран долго продержится на своем месте... Там, где Библию могут прочесть все, ни один деспот не сможет править спокойно. Англия обязана своей свободой Библии; и пока Франция не начнет чтить так давно отвергнутое ею Евангелие, ей ни за что не обрести прочной свободы... Учение Христа побуждает людей задумываться, а это всегда опасно для власти тирана».9

Причины установления гражданской власти

Впервые о гражданской власти в Священном Писании упоминается в 9 главе Бытия. В ней Бог устанавливает смертную казнь для того, кто лишает жизни другого человека, также созданного по образу Божьему. В этом смысле право казнить убийц принадлежит не государственным чиновникам, а Богу – Подателю жизни, Который неоднократно предписывает смертный приговор за убийство на страницах Священного Писания (напр., Исх. 21:12; Чис. 35:33). Следовательно, лишить жизни человека можно лишь в том случае, если гражданская власть применяет приговор согласно Божьему закону, основанном на идее ценности человеческой жизни. Джон Стотт объясняет: «Согласно Библии, смерт-

ная казнь, лишая убийцу жизни, не обесценивает его жизнь, а, напротив, подчеркивает бесценность отнятой им жизни, расплатой за которую может быть только жизнь отнявшего».10

Государство – это «неизбежное зло», которое должно подчиняться высшим законам Бога. После того как в мир вошел грех, возникла потребность в гражданской власти, которая сдерживала бы насилие (Быт. 6:11-13). Однако первоначальный Божий замысел не предполагал наличия государства, потому что государство означает власть одних людей над другими. Согласно Книге Бытия, в самом начале сотворения мужчина и женщина жили в тесном общении с Богом, и подчинялись лишь Ему.[11] Томас Пейн (1737–1809), не будучи христианином, невольно выразил библейскую точку зрения: «Даже самое лучшее правительство – это всего лишь неизбежное зло; плохое же правительство невозможно терпеть, потому что если *правительство* заставляет нас страдать и переносить тяготы, которые скорее следовало бы ожидать от страны, где *нет правительства*, тогда все наши беды усугубляются мыслями о том, что мы сами становимся причиной собственных бед. Правительство, подобно одежде, есть знак утраченной невинности; дворцы королей зиждутся на развалинах рая».[12]

Понимание того, что гражданское правительство появилось вследствие нашей греховности, оправдывает доктрину ограничения государственной власти. Эта теория вдохновила Британию и Америку на установление конституционного порядка, основанного на системе взаимного сдерживания – «противовесов» – ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Подобное деление соответствует библейскому откровению о Боге как верховном Судии, Законодателе и Царе (Ис. 33:32). Функции государства должны поверяться законом – нет человека, которому можно было бы доверить всю власть, ибо нет ни одного праведника на земле.

Бог наделил каждого человека стремлением к свободе, и потому политическая тирания, по словам лорда Фортескью (1394-1479), – это попытка со стороны гражданских властей сменить естественную свободу на рабскую зависимость, которая служит лишь «порочным целям» нечестных правителей. Фортескью считал, что английское право предоставило своему народу свободу из чувства долга перед Священным Писанием. Он провозгласил, что цари призваны к правлению на благо царства, а не наоборот, и привел цитату из Марка 2:27. Фортескью писал на эту тему: «Закон следует признать жестоким, если он направлен на порабощение и ущемление свободы, к которой всегда стремится человеческая природа. Ибо люди придумали рабство для достижения своих порочных целей. Свобода же была заложена в человеческой природе Богом. И если ее отобрать у человека, то он неизменно будет желать ее возвращения, как это всегда происходит, если человека лишают его естественной свободы. Посему того, кто не благоприятствует свободе, следует считать нечестивым и жестоким».[13]

Сэр Эдвард Коук (1552–1634), считая Божии законы выше человеческих, полагал, что основные законы Англии были «начертаны перстом Божием на скрижалях человеческого сердца», а не установлены государством.[14] Он описывал государственное устройство Англии как «гармоничную систему», опиравшуюся главным образом на высшие законы Бога. Далее он утверждал, что ни один законодательный акт парламента не имеет силы, если он противоречит Богу и закону. И, наконец, лорд Коук пришел к мудрому выводу: «Мы наблюдаем в природе бесчисленное многообразие вещей, исходящих из одного целого: много рек из одного истока, много артерий от одного сердца, много вен от одной печени, много сухожилиям от мозга; несомненно, что это восхитительное единство и гармония в таком разнообразии может исходить лишь от Бога, Истока и Основателя всех благих законов и установлений».[15]

Как идея «эволюции» подрывает верховенство закона

В XIX веке идею главенства высшего Божьего закона над человеческим начали ставить под сомнение. После выхода в свет трудов Чарльза Дарвина вера в эволюцию стала подразумевать отказ от установленного Богом естественного нравственного порядка как главного источника позитивного права. В итоге приверженцы правового позитивизма стали относиться к государственному праву по принципу «кто сильнее, тот и прав» – иными словами, как к продукту человеческой воли.

Но, оказываясь заложниками веры в «эволюцию», законы теряют свою трансцендентую ценность. И тогда само понятие государства, в котором правит закон, утрачивает свое философское основание. В результате

общество страдает из-за отсутствия нравственной составляющей закона, которая позволяет ограничивать власть государства, не давая ему стать всемогущим.[16] Р. Дж. Рашдуни пишет: «Когда человек посредством государства сам регулирует свое развитие, государство превращается в новый абсолют. Гегель, признавая эволюцию общества, возвел государство в ранг нового бога. Последователями гегелевского учения об абсолютизации государства стали марксисты, фабианцы и другие социалисты... Короче говоря, от Бога и Его вечного закона отказались ради нового бога – государства. Теория эволюции, таким образом, ведет не только к революции, но и к тоталитаризму. Теория эволюции общества, в деталях разработанная Гегелем, сделала государство новым богом. А дарвиновская теория биологической эволюции сделала революцию орудием в руках этого нового бога – государства научного социализма».[7] За любой правовой системой всегда стоит бог, будь это Господь Бог, или те, кто стоит у руля государственного аппарата.[17]

Когда нет высшего закона и авторитета, «богом» становится государство. Когда государственное право считается единственным источником законности, гражданские правители получают полную власть над жизнью и свободами личности. Ибо не может быть правовой защиты от тирании, если Божий закон не имеет преобладающей силы. Дуглас Кмиец, преподаватель права в Университете Нотр-Дам, верно заметил: «Взгляды и убеждения, противоречащие Божьему замыслу, оформленные в виде закона или сложившиеся «самопроизвольно» в течение продолжительного времени, вряд ли могут считаться незыблемыми первопринципами. Именно они были и остаются причиной наших бед».[18]

Сложность мироустройства свидетельствует о существовании Высшего Законодателя. Видя мир таким, какой он есть, мы вынуждены признать, что все происходящее в нем подчиняется неизменным и постоянным законам. Если сама вселенная держится на законах – кто же создал и утвердил их все? Как заметил по этому поводу Монтескье, «те, кто заявляет, будто все наблюдаемые нами в мире явления происходят по воле *слепой судьбы*, повинны в произнесении полной бессмыслицы, ибо что может быть бессмысленней, чем делать вид, что слепая судьба могла породить разумные существа? Для вселенной Бог – Создатель и Хранитель. Теми же законами, которыми Он установил порядок вещей в мире, Он теперь этот порядок сохраняет. Он действует по этим законам, потому что знает их; Он знает их, потому что создал их, и Он создал их, потому что они сообразны Его мудрости и могуществу. Разумные существа могут иметь собственные законы, однако они подчиняются и тем законам, которые были придуманы не ими... Утверждать, что нет ничего справедливого или несправедливого, кроме того, что предписано или запрещено позитивным [человеческим] правом, – все равно, что заявлять, будто до начертания окружности ее радиусы не были равны. Посему мы вынуждены признать существование принципов справедливости до позитивного права, которое их утвердило... Если одни разумные существа получили благо от других, то первые должны быть благодарны вторым; если одно разумное существо дало жизнь другому, то другое вынуждено оставаться в своем первоначальном состоянии зависимости. Но мир разумных существ управляем гораздо хуже, чем мир физический. Ибо, хотя в первом и имеются законы, неизменные по своей природе, он не соблюдает их так же неукоснительно, как мир физический. Так происходит, потому что, с одной стороны, разумные существа по своей природе ограничены и посему склонны к ошибкам, а с другой стороны – наделены свободой воли. По этой причине они непостоянны в соблюдении своих примитивных законов и нарушают даже те, которые учреждены ими самими.

Человек как существо физическое, подобно прочим телам, подчиняется неизменным законам. Как существо же разумное, он неустанно нарушает данные Богом законы, и меняет даже те, которые установил сам. Ему позволено самому выбирать себе путь, хотя он, как всякий ограниченный разум, подвержен заблуждениям и ошибкам. Даже то несовершенное знание, которым он обладает как здравомыслящее создание, человек умудряется растерять в погоне за тысячей неуемных страстей. Такое создание может в любой момент забыть о собственном Создателе. По этой причине Бог напомнил человеку о его обязательствах с помощью закона [иудеохристианской] веры».[19]

Божий закон выше государственного

В вопросах права нельзя полагаться на человеческий разум, так как все человечество поражено грехом. Поэтому основными законными правами следует считать те, которые открывает нам Сам Бог в Священном Писании. Согласно учению *natura delecta*,

гласящему, что человеческая природа была испорчена первородным грехом, закон должен не столько опираться на человеческий разум, сколько на мудрость и владычество Бога. Как сказано в Библии: «потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков». (1Кор.1:25)

Верховенство закона возможно лишь в том случае, если гражданские власти способны признать иерархическое господство высших Божьих законов над государственным правом. Божий закон совершенен, как совершенна и Его мудрость; власти же человеческие поражены грехом и бывают движимы желаниями плоти. Они могут быть рабами греха, непокорными Богу; а избирающие грешников во власть и повинующиеся их греховным постановлениям сами попадают в рабство греха.

Суть вопроса о верховенстве закона сводится к тому, в ком мы будем видеть источник верховной власти – в любящем Боге или в греховном человеке. Если мы выбираем грешного правителя, то, по словам Р. Дж. Ращдуни, «мы не вправе жаловаться на усиление тоталитаризма и тирании, мы сами этого хотели».[20]

Уильям Блэкстоун (1723-1280) говорил, что во избежание тирании ни один закон не должен быть признан действительным, если он противоречит высшим Божьим законам, которые дают и регулируют основные человеческие права – на жизнь, свободу и собственность.[21] Блэкстоун так сформулировал библейское понимание верховенства закона: «Никаким человеческим законам не должно быть позволено противоречить [Божьим] законам ... Мало того, если человеческий закон позволяет или предписывает нам совершить грех, мы обязаны преступить такой человеческий закон, ибо, в противном случае, нам придется согрешить и против божественного, и против земного».[22]

В каких случаях Библия оправдывает сопротивление тирании

Хотя Бог передал Свою верховную власть земным правителям, это не может служить оправданием произвола с их стороны. В Священном Писании есть замечательные примеры случаев, когда Бог явным образом велит Своему народу оказать гражданское неповиновение правительству. Например, египетские повивальные бабки отказались последовать приказу фараона убить еврейских новорожденных детей. В Библии написано, что они «боялись Бога и не делали так, как говорил им царь Египетский» (Исх.1:17). Так же поступили и три еврея, которые не подчинились вавилонскому царю Навуходоносору, когда тот приказал всем пасть ниц и поклониться его золотому истукану (Дан. 6). Даниил тоже отказался исполнить постановление царя Дария, предписывавшее не поклоняться никому из богов и людей, кроме него самого.

В новозаветные времена аналогичным примером служат апостолы и их отношение к синедриону – иудейскому совету священников и учителей закона. Синедрион запретил им проповедовать во имя Иисуса Христа. Но книга Деяний описывает, как апостолы отказались подчиняться такому решению, а апостол Петр смело заявил: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян.5:29). Ревность апостолов о Господе была настолько велика, что они отказывались молчать и под угрозой наказания или даже смертной казни. Они полагали, что в первую очередь несут ответственность перед Божьим законом, – и потому продолжали проповедовать, словно бы на их действия не было наложено никаких запретов. Итак, чтобы народ подчинялся гражданским властям, они сами сначала должны подчиниться Богу и закону. Как заметил Джон Стотт, «если государство повелевает то, что запрещает Бог, или запрещает то, что повелевает Бог, тогда, безусловно, наш христианский долг сопротивляться, а не повиноваться: ослушаться государство, чтобы послушаться Бога... Если принимаемые законы противоречат Божьему закону, гражданское неповиновение становится долгом христианина».[23]

Апостолы считали совершенно оправданным неповиновение законам, которые противоречили Божьим заповедям. А вот современные последователи Христа часто цитируют 13 главу Послания Павла к Римлянам в оправдание соблюдения безнравственных законов. Однако в этом послании апостол Павел утверждает, что мы должны подчиняться гражданским властям, потому что они «страшны не для добрых дел, но для злых» (Рим.13:3). Если же человек, занимающий государственный пост, злоупотребляет властью, данной Богом, «наша обязанность сопротивляться, а не подчиняться».[24] По словам Ф. Шеффера, более точное толкование этого стиха ясно показывает, что «государство должно быть носителем правосудия; оно должно пресекать зло, наказывая преступника, и защищать общественное благо. Если оно поступает наоборот, у него нет

права требовать подчинения – это право им узурпировано, а значит, власть государства становится незаконной и превращается в тиранию».[25]

Бог, утвердив государство, делегировал ему власть. Он вовсе не дал государству автономное право быть превыше закона. Подчиняясь государству, мы подчиняемся не отдельным людям, возглавляющим государственный аппарат. Мы подчиняемся власти, которая получила полномочия от Бога, повелевшего ей соблюдать и поддерживать естественные принципы свободы и справедливости. Поэтому, как пояснял папа Иоанн XXIII в энциклике «Мир на земле» (*Pacem in Terris*), «поскольку право повелевать обусловлено требованиями нравственности и исходит от Бога, отсюда следует, что если гражданские власти принимают законы или предписывают что-либо, противоречащее нравственному порядку вещей и, соответственно, – – воле Бога, то эти законы и предписания ни к чему не обязывают граждан, так как “должно повиноваться больше Богу, нежели человекам”. В противном случае власть теряет свои права и заканчивается постыдными злоупотреблениями».[26]

Апостол Павел пишет, что для «Слова Божьего нет уз» (2 Тим. 2:9), а значит, право на сопротивление тирании – важная составляющая системы законовластия, определенной Самим Богом. По этой причине, как выразился Джон Нокс (1513–1572), сопротивляться злому правителю иногда все равно, что сопротивляться самому дьяволу, «который меч и власть от Бога обращает во зло».[27] Нокс утверждал право сопротивляться (при необходимости даже с применением силы) любому, кто осмелился править народом, нарушая Божий закон.[28] Глава шотландской реформации считал, что если гражданский правитель намеренно совершает действия, направленные на подрыв христианских основ общества, то Бог «не повелевает подчиняться, а одобряет и, более того, щедро вознаграждает всех тех, кто сопротивлялся их греховным повелениям и слепому гневу».[29]

Сэмюэль Резерфорд (1600–1661) – шотландский пресвитерианин, как и Джон Нокс, – разработал в своем труде *Lex, Rex* («*Закон, Царь*») последовательную теорию законности сопротивления политической тирании. По мнению Резерфорда, чтобы действенно препятствовать тирании и сохранять свободу, народ должен сохранять свое неотъемлемое право не подчиняться несправедливым законам. «Этическая, политическая и моральная власть, используемая для угнетения, не от Бога и не является [законной] властью; она есть ни что иное, как самовольное отступление от [законной] власти».[30] В ответ же роялистам, которые любые формы сопротивления правительству приравнивали к сопротивлению Самому Богу, а в доказательство приводили 3-ю главу Послания к Римлянам, Резерфорд дерзко заявлял: «Кощунственно думать или говорить, когда король пьет кровь невинных и разоряет Божью Церковь, что Бог на его месте делал бы то же самое».[31]

Джон Локк (1634–1704), политические и правовые теории которого послужили юридическим обоснованием «Славной революции» 1688 года в Англии, утверждал, что законодатели оказываются «в состоянии войны» с обществом всякий раз, когда пытаются отменить данные нам Богом «врожденные» права на жизнь, свободу и собственность. По мнению Локка, ни одно правительство не имеет право посягать на эти основные права личности. В противном случае, говорил Локк, люди «будут вынуждены прибегнуть к обычному предусмотренному Богом средству против принуждения и насилия».[32]

Отцы-основатели Америки полностью разделяли принцип законного сопротивления тирании и опирались на него, чтобы оправдать революционные действия 1776 года против британского правительства. Декларация независимости США, написанная Томасом Джефферсоном, гласит, что революция служит последним средством борьбы свободного народа против «длинного ряда злоупотреблений и захватов права» со стороны правительства. Таким образом, отцы-основатели оправдывали свои действия тем, что Бог наделил каждого человека неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью – основными правами, отнять которые не может ни одно правительство.

Разумеется, как заметил папа Павел VI в своей энциклике *Popularum Progressio* («*Прогресс народов*»), восстание может быть оправдано лишь в исключительных случаях, когда «явная и продолжительная тирания грозит нанести огромный урон основным правам человека и благосостоянию страны».[33] Однако применение насилия как способ исправить нарушения закона государством может вылиться в новые формы несправедливости. Поэтому Павел VI отметил также, что к революционному восстанию можно прибегать лишь как к последнему средству

борьбы против долгой тирании, потому что, как он выразился, «нельзя бороться со злом ценой еще больших бед».[33]

Главенство закона, христианство и права человека

Согласно иудеохристианскому мировоззрению, человека создал Бог. Человек не «приобрел» свои основные права у государства и не добился их своим трудом. Права человека проистекают непосредственно из его природы, поскольку он рождается по образу любящего Бога (Быт. 1-6).

В Книге Бытия 1:27-28 написано, что Бог сотворил мужчину и женщину по Своему образу, поручив им наполнять землю и обладать ею (Быт.1:27-29). Это чрезвычайно важно для признания человеческого достоинства как плода отношений между Богом и людьми – отношений, которые хотя и были искажены грехопадением, однако не были разорваны полностью. Из этого следует, например, что вдову нельзя сжигать на погребальном костре мужа, как это до сих пор делают в Индии, и что людей нельзя продавать в рабство, как это происходит в Судане.[34]

Нерелигиозная организация *Freedom House* («*Дом свободы*») ежегодно проводит анализ состояния демократии и гражданских свобод во всем мире. Год за годом результаты исследований показывают, что чаще всего принципы демократии и права человека соблюдаются именно в тех странах, где большинство населения – христиане. На противоположном полюсе – ислам и марксизм (религия без Бога), которые, по всей видимости, представляют собой самые большие препятствия на пути к демократии и правам человека. Именно в странах с марксистской идеологией и в большинстве мусульманских государств людям отказывают почти во всех основных правах. Самые злостные нарушители прав человека – Ливия, Саудовская Аравия, Судан, Сирия, Туркменистан, а также Куба и Северная Корея с их однопартийностью и марксистским тоталитарным режимом.[35]

Христианство, в отличие от ислама, демократизировало методы политической борьбы и по-прежнему остается главной нравственной силой, сохраняющей демократические ценности на Западе. Именно христианство высказывает самые веские аргументы в защиту основных гражданских свобод. Профессор истории древнего мира в университете западного Мичигана Пол Л. Майер считает, что «никакая другая религия, философия, учение, страна, движение – ничто так не изменило мир к лучшему, как христианство».[36] Провозглашая всеобщее равноправие перед Богом, христианство предлагает самые крепкие нравственные основы социального и политического равенства.[34] Если верить христианству, любой человек, будь то мужчина или женщина, не просто важнее, но бесконечно важнее, чем любая социальная структура. Отсюда, по мнению Чарльза Колсона, становится понятно, «почему христианство всегда не только решительно защищало права человека, но и служило надежной защитой от тирании».[34]

Заключение

В современном западном мире нравственный релятивизм проявляется в постепенном отказе от принципов христианской веры и культуры. В итоге моральные основы верховенства закона серьезно подорваны. Те на Западе, кто считает, что отказ от христианской веры пойдет на пользу демократии и укрепит закон, не замечают одного: отказ от христианства уже стал в нескольких государствах (в частности, в Германии и России) причиной тоталитарных режимов и массовых убийств. Непредвзятый анализ истории современного Запада заставляет признать: в конечном счете, без высших принципов справедливости и нравственности, привнесенных в западное общество христианством, невозможно обеспечить действенную защиту против тирании.

Жители Запада, умаляющие значение своего христианского наследия, должны понять: если бы не учение Христа, у них бы не было тех свобод, которыми они пользуются сегодня, – таких, например, как возможность дискредитировать сам источник этих свобод, то есть христианство.[37] С учетом культурной палитры сегодняшнего дня, им стоило бы задуматься над словами великого историка Карлтона Хейза: «Там, где принимают и осознанно претворяют в жизнь идеалы христианства, царствует свобода; там же, где христианство отвергают, преследуют или приковывают к государству, царит тирания».[38]

Литература

1. Frothingham, R., *The Rise of the Republic of the United States*, Brown, Boston, MA, p. 6, 1910.

2. Constant, B., *De La Liberte Des Anciens Compares a celle des Modernes;* взято из: 'Ecrits Politiques', Folio, Paris, pp. 591-619, 1997.

3. Fustel De Coulanges, N.D., *The Ancient City: A Classic Study of the Religious and Civil Institutions of Ancient Greece and Rome*, Doubleday Anchor, New

York, p. 223, 1955.
4. St Augustine; *The City of God,* Book III, par. 28, Cambridge University Press, Cambrdge, UK, 1998.
5. Tamanaha, B.Z., *On The Rule of Law: History, Politics, Theory,* Cambridge University Press, Cambridge, UK, p. 23, 2004.
6. Batten, D. (Ed.), *The Answers Book,* Answers in Genesis, Brisbane, p. 7, 1999.
7. Bracton, H., *On the Laws and Customs of England,* Vol. U, Harvard University Press, Cambridge, MA, p. 25, 1968.
8. Bracton, сноска. 7, p. 33.
9. Spurgeon, C.H., Joy Born at Bethlehem; in: Water, M. (Ed.), *Multi New Testament Commentary,* John Hunt, London, p. 195, 1871.
10. Stott, J., *Christian Basics: An Invitation to Discipleship,* Monarch Books, London, p. 79, 2003.
11. Adamthwaite, M., Civil Government, *Salt Shakers* 9:3, June 2003.
12. Paine, T., Of the origin and design of government; in: Boaz, D. (Ed.), *The Libertarian Reader: Classic and Contemporary Writings from Lao-Tzu to Milton Friedman,* Free Press, New York, p. 7, 1997.
13. Fortescue, Sir J., *DeLaudibus Legum Anglie,* translated with Introduction by Chrimes, S.B., Cambridge University Press, Cambridge, UK, Chapter XLII,p. 105, 1949.
14. 7 Co. Rep. I, 77 Eng. Rep. 277 (K.B. 1960). Apud: Wu, John C.H.; *Fountain of Justice: A Study in the Natural Law,* Sheed and Ward, New York, p. 91, 1955.
15. Coke, Sir E., Third Reports, 3. Apud: Sandoz; Elliz; *The Roots of Liberty—Introduction;* in: *The Roots of Liberty: Magna Carta, Ancient Constitution, and Anglo-American Tradition of the Rule of Law,* University of Missouri Press, Columbia, MO, p. 137, 1993.
16. См.: Noebel, *D.,The Battle for Truth,* Harvest House Publishers, Eugene, OR, p. 232,2001.
17. Rushdoony, R.J., *Law and Liberty,* Ross House Books, Vallecito, CA, p. 33, 1984.
18. Kmiec, D.W., Liberty misconceived: Hayek's incomplete theory of the relationship between natural and customary law; in: Ratnapala, S. and Moens, G.A. (Eds.), *Jurisprudence of Liberty,* Butterworths, Adelaide, SA, Australia, p. 145, 1996.
19. De Montesquieu, C., *The Spirit of Laws,* Book I, Chapter 1, 1748.
20. Rushdoony, сноска 17, p. 35.
21. Blackstone, W., *The Sovereignty of the Law—Selections from Blackstone s Commentaries on the Laws of England,* McMillan Publishers, London, pp. 58-59, 1973.
22. Blackstone, сноска 21, pp. 27-31.
23. Stott, J., *The Message of Romans: God's Good News for the World,* InterVarsity Press, London, p. 342, 1994.
24. Stott, сноска 10, p. 78.
25. Schaeffer, F.A., *A Christian Manifesto,* Crossway, Westchester, p. 91, 1988.
26. *Pacem in Terris,* Encylical letter of Pope John XXIII, Paragraph 51, 1963.
27. Knox, J., On *Rebellion,* Cambridge University Press, Cambridge, p. 192, 1994.
28. Knox, сноска 27, p. 178.
29. Knox, сноска 27, p. 95.
30. Rutherford, S., 'Lex Rex', or The Law and the Prince; in: *The Presbyterian Armoury,* vol. 3, p. 34, 1846.
31. Rutherford, ref. 30, Arg. 4.
32. Locke, J., *Second Treatise on Civil Government,* Sec. 222; From Locke, J., *Political Writings,* Penguin Books, London, p. 374, 1993.
33. *Popularum Progressio,* Encyclical letter of Pope Paul VI, Paragraph 31, 1967.
34. Colson, C. and Pearcey, N., *How Now Shall We Live?* Tyndale, Wheaton, IL, p. 131, 1999.
35. Karatnycky, A., Piano, A. and Puddington, A. (Eds.), *Freedom in the World 2003: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties,* Freedom House, New York, pp. 11-12, 2003.
36. Maier, P.L., foreword to: Schmidt, A.J., *How Christianity Changed the World,* Zondervan, Grand Rapids, MI, p. 9, 2004.
37. Schmidt, A.J., *How Christianity Changed the World,* Zondervan, Grand Rapids, MI, p. 13,2004.
38. Hayes, C.J.H., *Christianity and Western Civilization,* Stanford University Press, Stanford, CA, p. 21, 1954.

Аугусто Циммерман – бразилец, доктор философии, профессор права юридического факультета в университете Монаш, Австралия. Получил степени бакалавра и магистра по юриспруденции в Католическом университете Рио-де-Жанейро. Среди прочих занимаемых должностей – профессор права на юридическом факультете последипломного образования в методистском университете Беннета и в университете Эстасио де Са в Рио-де-Жанейро. Член редакционной коллегии престижного бразильского политологического журнала *Achegas* и ведущего издательства юридической литературы “Lumen Juris”. Редактор ряда научных работ, переведенных на несколько языков, и автор двух широко известных в Бразилии книг: *Teoria Geral do Federalismo Democratico* («Общая теория демократического федерализма» 2-е изд., 2005 г.) и *Curso de Direito Constitutional* («Руководство по конституционному праву» 4-е изд., 2005 г.).

Перевод К. Стуловой под ред. А. Мусиной
Христианский научно-апологетический центр, 2006. Буклет № 125
95011 Симферополь - 11, “Момент Творения”
www.scienceandapologetics.org
При перепечатке ссылка обязательна